

10. Политическая борьба в Народной армии

Не подлежит сомнению тот факт, что в Народной армии, которая получила устоявшуюся организацию в первые месяцы 1937 г., анархисты проигрывали борьбу против коммунистов, стремившихся к господству над вооружёнными силами Республики. Хотя во многом именно благодаря анархистам был подавлен мятеж на большей части средиземноморской Испании, хотя в первые месяцы войны сэнэтисты составляли основную долю в тех силах, которые встали под знамёна Республики, им не удавалось взять верх над коммунистами в усиливающейся борьбе за контроль над лоялистской армией, вплоть до самого последнего момента, когда это уже не имело никакого значения.

Преимущества коммунистов в борьбе за контроль над вооружёнными силами

Ещё до начала Гражданской войны сталинисты имели некоторую опору в республиканских вооружённых силах. Официальная коммунистическая история Гражданской войны гласит: «В 1934 г., чтобы противостоять дискредитирующей Республику пропаганде, которую вёл в армии ИВС, Коммунистическая партия создала Антифашистский военный союз (АВС), который объединял военнослужащих разных званий и идеологий, верных делу демократии. Эта организация позднее расширилась за счёт включения других республиканских офицеров и стала называться Республиканским антифашистским военным союзом (РАВС)»¹.

Эта же работа отмечает, что начиная с 1933 г. Коммунистическая партия «занималась созданием Рабоче-крестьянской антифашистской милиции; и хотя она была вооружена только пистолетами... она сыграла важную роль в дни мятежа. РКАМ была не только первой организованной и дисциплинированной силой, вставшей перед мятежниками, но и основой для организации в боевые подразделения тысяч антифашистов, которых народ не случайно называл “милиционерами”»².

Стэнли Пейн даёт более подробную информацию о подпольной и боевой работе коммунистов перед началом Гражданской войны:

“ «К июню [1936 г.] милиционная организация (РКАМ) насчитывала 2 000 членов в Мадридском районе, и перед ней была поставлена цель расширения до “массовой организации полувоенного характера” как “организационного базиса для будущей рабоче-крестьянской Красной

армии". Параллельно РКАМ существовала "Антимилитаристская секция" партии во главе с галисийским коммунистом Энрике Листером, который в течение года или больше проходил подготовку в Академии Фрунзе. Говоря простыми словами, задачей секции Листера была подрывная работа в испанской армии. Она создавала коммунистические ячейки во всех воинских частях, где это было возможно, и особенно больших успехов добилась среди сержантов и капралов в мадридском гарнизоне. Другой полулегальной военной организацией, контролируемой партией, был Республиканский антифашистский военный союз (РАВС), изначально организованный левыми армейскими офицерами в 1934 г. для борьбы с консервативными националистами в армии (ИВС). Главным организатором РАВС был коммунист, служивший в Генеральном штабе, кап. Элеутерио Диас Тендеро. Далее, в дополнение к этим группам, коммунистам удалось внедриться в службу безопасности в Мадриде и некоторых других городах, где условия были благоприятными... После того, как в мае в Испанию прибыл агент Коминтерна Витторио Видали (Карлос Контрерас), взявший на себя наблюдение за боевой работой, коммунистические террористические группы отделили от отрядов РКАМ, чтобы не компрометировать последние...»З

С первых месяцев войны коммунисты удерживали ключевые посты в высших кругах военного руководства, и по мере того как Министерство обороны устанавливало контроль над республиканскими войсками, они получали возможность использовать это влияние, чтобы распространить свой контроль на большую часть вооружённых сил. Во-вторых, твёрдость коммунистов, с самого начала проявленная в вопросе воссоздания республиканской армии на регулярной основе, сделала их партию весьма привлекательной для профессиональных офицеров в лагере лоялистов. В-третьих, тот факт, что Советский Союз являлся практически единственным иностранным поставщиком оружия и военного снаряжения, нехватка которых ощущалась в течение всего конфликта, вне всякого сомнения, окончательно склонял весы в пользу советских и испанских коммунистов.

Советский историк Рой Медведев приводит некоторые данные о размерах военных поставок СССР в Испанскую республику: «До конца 1936 года в Испанию были доставлены из СССР 106 танков, 60 броневых автомобилей, 136 самолётов, свыше 60 тысяч винтовок, 174 орудия, 3 727 пулемётов, а также боеприпасы. По масштабам войны, которая происходила в Испании, это была не слишком большая помощь». Медведев добавляет: «В 1937 году военная помощь Советского Союза Испанской республике стала заметно сокращаться, а в 1938 году, т.е. за год до падения республики, она была полностью прекращена»4.

Хотя оружия и военной техники, предоставленных Сталиным, было недостаточно, чтобы обеспечить лоялистам победу в войне, это было несравненно больше, чем любая другая помощь из-за границы. И это придавало особый вес «рекомендациям» советских военных советников. Кроме того, угроза прекратить поставки, высказываемая явно или подразумеваемая, служила мощным средством шантажа, использовавшимся как для определения военной стратегии, так и для продавливания политических изменений, желательных советским и испанским сталинистам.

Бернетт Боллотен отразил процесс проникновения коммунистов и сочувствовавших им в высшие эшелоны военного ведомства:

“ «Действительно, уже в первые недели пребывания Ларго Кабальеро на посту военного министра они обеспечили себе прочное и многообещающее положение. Им удалось сделать это отчасти потому, что их отношения с военным министром, несмотря на перенесённые им обиды, всё ещё оставались терпимыми (в результате два их приверженца, Антонио Горд и Алехандро Гарсия Валь, были назначены в оперативный сектор генерального штаба), но главным образом потому, что на ключевых постах в военном министерстве их поддерживали люди, казавшиеся бесспорно преданными Ларго Кабальеро. К ним относились такие кадровые офицеры, как подполковник Мануэль Арредондо, его адъютант, капитан Элеутерио Диас Тендеро, глава важнейшего департамента информации и контроля... и майор Мануэль Эстрада, начальник генерального штаба военного министерства, которого коммунисты, втайне от Ларго Кабальеро, втягивали или уже успели втянуть в свою орбиту»5.

С самого начала коммунисты занимали ведущие позиции в комиссарском аппарате республиканской армии. Согласно Боллотену:

“ «Это преобладание было обеспечено отчасти благодаря тому, что Михе возглавил организационный субкомиссариат – наиболее важный из четырёх созданных субкомиссариатов, – но в первую очередь потому, что генеральный секретарь Фелипе Претель и генеральный комиссар Хулио Альварес дель Вайо, которых Ларго Кабальеро назначил, нисколько не сомневаясь в их надёжности, тайно продвигали интересы Коммунистической партии. Прошло немного времени, и партия ещё больше увеличила своё влияние благодаря назначению Хосе Лайна, лидера ОСМ и новообращённого коммуниста, директором комиссарской школы, а также болезни одного из субкомиссаров Анхеля Пестаньи, лидера Синдикалистской партии, который был замещён Габриэлем Гарсией Марото, другом Альвареса дель Вайо и левым социалистом, имевшим отчётливый коммунистический уклон, хотя и критиковавшим некоторые методы партии»6.

5-й полк

С первых дней войны коммунисты настаивали на создании регулярных вооружённых сил Республики. Францу Боркенау ещё 6 августа говорили, что Объединённая социалистическая партия Каталонии одобрила «армейскую систему»7.

В Мадриде коммунисты самостоятельно организовали боевую часть, которая была названа 5-м полком. Он был создан в основном стараниями Энрике Кастро Дельгадо, лидера

мадридских коммунистов, участвовавшего во взятии казарм Монтанья. Сразу после того, как казармы были захвачены, он и его сторонники заняли женский монастырь на улице Франкоса Родригеса, где они устроили свой штаб и, с помощью кадровых военных, приступили к организации регулярного воинского формирования⁸. Несколькими неделями позже на площади Пуэрта-дель-Соль состоялся первый парад 5-го полка, который прошёл строем перед президентом Мануэлем Асаньей и военным министром⁹.

Гэбриел Джексон утверждает, что, хотя 5-й полк был организован и возглавлен Коммунистической партией, он также включал в себя «многих аполитичных молодых людей, привлечённых его высоким духом, и немалое число анархистов, осознавших слабость своих собственных недисциплинированных формирований»¹⁰.

Солдаты 5-го полка вступили в бой очень скоро – спустя месяц с небольшим после начала Гражданской войны. Франц Боркенау отмечал: «Критики коммунистов не отрицают, однако, того, что они организовали хорошие войска, в особенности знаменитый 5-й полк, который не раз спасал правительственные позиции в Гвадарраме»¹¹.

Согласно Бернетту Боллотену при распределении оружия русские отдавали 5-му полку предпочтение. Основываясь на личном свидетельстве Витторио Видали (Карлоса Контрераса), Боллотен писал:

“ «Преимуществом не менее важным, чем сотрудничество этих кадровых офицеров, не говоря уже об иностранных коммунистах с военным опытом... было привилегированное положение полка, по сравнению с другими частями, при распределении оружия, поступавшего в Испанию из Советского Союза. Действительно, благодаря этому привилегированному положению, благодаря тому, что многие бойцы полка получали возможность проходить подготовку в России в качестве танкистов, не меньше, чем благодаря напряжённой работе коммунистов, полк мог усиленно пополнять свои ряды за счёт некоммунистов».

Боллотен также отметил заявление командующего полком в январе 1937 г. о том, что в его распоряжении были «тысячи пулемётов и сотни единиц артиллерии – материальное богатство, которое, конечно, нельзя сравнивать с имеющимся у любых других сил в антифранкистской зоне на данном этапе войны...»¹² Командир-коммунист Валентин Гонсалес, прославившийся под именем Кампесино, который написал воспоминания после своего разочарования в сталинизме, подтверждает выводы Боллотена и Видали: «Русские стремились установить превосходство надёжных коммунистических частей над всеми военными силами на стороне испанских республиканцев, действуя через 5-й полк... Они следили за тем, чтобы 5-й полк был лучше всех оснащён и обладал достаточными средствами, чтобы он регулярно получал консультации и инструкции от русских техников, а также от других иностранных специалистов, работавших под непосредственным контролем русских агентов». Гонсалес добавляет: «5-й полк был практически независим от Министерства обороны. В этом отношении он был практически независим от испанского республиканского правительства»¹³.

Согласно Бруэ и Темиму: «Благодаря помощи русских 5-й полк рос с удивительной быстротой. Он был обеспечен снаряжением, обучен и укомплектован офицерами. Правительство смотрело на него с улыбкой, поскольку он был образцом дисциплины: он в полном объёме восстановил порядки регулярных частей, отдавание чести, знаки различия и звания. Кадровые офицеры, служившие в других колоннах, просили о переводе в этот полк, где условия службы были для них нормальными»¹⁴.

Как только начался процесс преобразования милиции в регулярную армию, коммунисты, благодаря предшествующим стараниям в этом направлении, оказались в весьма выгодном положении. Пять из первых шести бригад новой Народной армии находились под контролем Коммунистической партии, и ведущее положение по большей части было унаследовано ими от 5-го полка¹⁵.

Коммунисты с самого начала хорошо понимали, какую роль сыграет 5-й полк в их продвижении на командные посты в новой Народной армии. Энрике Кастро Дельгадо писал:

“ «5-й полк... готовил себя к тому моменту, когда появится декрет Военного министерства о создании Народной армии, чтобы преобразовать свои подразделения в подразделения последующей армии, сохранив своих командиров, своих комиссаров, свою политическую гегемонию в подразделениях... Но об этой операции, самой секретной и тонкой за всё время войны, сообщили только коммунистам...

Это было причиной, главной причиной того, что партия прощала своим героям приступы пьянства и глупость, мародёрство и нарциссизм. Было необходимо сохранить их престиж, чтобы никто не смог отклонить их кандидатуры в момент интеграции в Народную армию»¹⁶.

Привлекательность Коммунистической партии для кадровых офицеров

Нет сомнения в том, что офицеров регулярной армии привлекала Коммунистическая партия, благодаря её акценту на строгой военной дисциплине. Хью Томас отмечает случай майора Барсело, офицера республиканской армии, который, как и многие другие кадровые военные, вступил в Коммунистическую партию, впечатлённый её дисциплинированностью¹⁷. Бернетт Боллотен настаивает, что Барсело был коммунистом с 1935 г.¹⁸

Бруэ и Темим говорят:

“ «Большинство кадровых офицеров, некоторые из которых до войны относились лишь к республиканцам, если они не были правыми, принадлежали к Коммунистической партии. Возьмём, например, Миаху и

Посаса или более молодых людей, таких как Идальго де Сиснерос, Галан, Сьютат, Гордон и Барсело»¹⁹. Бернетт Боллотен отмечает, что многие кадровые офицеры, «хотя и были далеки от коммунистической идеологии, склонялись на сторону партии в силу её умеренной пропаганды, превосходящей дисциплины и организации, а также в силу того, что она единственная казалась способной построить армию, которая могла довести войну до победы»²⁰. Долорес Ибаррури и её коллеги в своей истории Гражданской войны подтверждают притягательность партии для профессиональных офицеров²¹.

Хуан Антонио де Биас в книге «Гражданская война в Астурии» отмечает то же самое явление среди офицеров на Северном фронте:

“ «Позиция коммунистов, превозносивших организацию и дисциплину, приятно удивила кадровых военных, и в результате многие командиры стали просить себе членский билет Коммунистической партии (самый яркий пример – лейтенант карабинеров Клаудио Марин Барко, который сделал наиболее успешную карьеру среди кадровых офицеров, назначенных в Астурию перед войной, получив в командование дивизию)»²². Другим важным новобранцем коммунистов стал лейтенант Франсиско Сьютат де Мигель, который был направлен из Мадрида, чтобы возглавить штаб республиканских сил в Астурии, вскоре после вступления в Коммунистическую партию»²³.

Несомненно, действовал и другой фактор, способствовавший распространению влияния Коммунистической партии среди профессиональных военных: способность её пропагандистского аппарата рожать и убивать «героев». Кастро Дельгадо упоминает об этом: «Обратить их в рабов партии было легко. Они знали, что партия могла поднять человека с кровати и сделать его национальным героем или же схватить героя на фронте и расстрелять его как “некомпетентного” или “предателя испанского народа”»²⁴.

Принимая в свои ряды кадровых офицеров, коммунисты не были особенно обеспокоены их довоенной ориентацией. Так, Хосе Пейратс отмечает, что генерал Миаха в прошлом был членом Испанского военного союза, внутри которого вызревал заговор против Республики²⁵.

Конечно, не все из этих кадровых офицеров оставались с коммунистами до конца войны. Однако их влияние сыграло ключевую роль в приобретении коммунистами доминирующих позиций внутри республиканских вооружённых сил.

Политическое влияние советских военных советников

Разумеется, свою лепту в утверждение коммунистического контроля над вооружёнными силами вносило и присутствие значительного числа советских военных специалистов. Согласно одной из цитат Ларго Кабальеро:

“ «Испанское правительство и, в частности, министр, ответственный за проведение операций, как и командующие офицеры, особенно в штабах, не имели возможности действовать с полной независимостью, потому что они, против воли, обязаны были подчиняться безответственному иностранному вмешательству, освободиться от которого они не могли, боясь рисковать той помощью, которую мы получали от России, продававшей нам военные материалы. Иногда, под предлогом того, что их приказы не выполняются так пунктуально, как они хотели бы, русский посол и русские генералы позволяли себе выражать передо мной своё недовольство, заявляя, что если мы не считаем их сотрудничество необходимым и уместным, то нам следует сказать им об этом прямо, чтобы они могли доложить своему правительству и покинуть страну»²⁶.

Советские офицеры действовали практически на всех уровнях, как в испанских войсках, так и в интернациональных бригадах. Так, один из бойцов батальона «Авраам Линкольн» вспоминал, что однажды его подразделение, понеся большие потери во время атаки, получило от Ласло Райка, одного из командующих интербригадами (и впоследствии главы Венгерской компартии), разрешение отойти в тыл, но затем было обвинено в «дезертирстве». Советский генерал прибыл на состоявшийся трибунал и, выслушав доводы американцев, приказал снять с них все обвинения²⁷.

Наконец, коммунисты использовали масштабное принуждение, чтобы ограничить влияние других политических элементов в республиканских вооружённых силах. Я обращаюсь к этой проблеме позднее.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что влияние в вооружённых силах стало ключевым фактором общего усиления коммунистов в Республике и важной частью их планов по установлению полного контроля над ней. Уже в феврале 1937 г., отметив неудачу коммунистов в попытке распространить своё влияние на рабочих, Франц Боркенау сообщал: «Военное и организационное, а не политическое влияние даёт коммунистам их силу и косвенно делает их политически доминирующим фактором»²⁸.

Сопротивление анархистов установлению коммунистического контроля над вооружёнными силами

Анархисты наталкивались на множество препятствий, пытались сохранить своё влияние внутри республиканских вооружённых сил и помешать коммунистам достичь господства в Народной армии. Одним из таких препятствий была медлительность сэнэтистов в принятии милитаризации и даже сопротивление ей. Вследствие такого отношения анархисты в первые месяцы войны не воспользовались в достаточной степени тем преимуществом, которое давало им нахождение одного из их лидеров, Хуана Гарсии Оливера, на посту куратора новых школ подготовки офицеров для Народной армии. Результатом стало то, что даже при правительстве Ларго Кабальеро доля офицеров-анархистов не соответствовала пропорции членов НКТ в рядовом составе. Эта диспропорция создавала серьёзные помехи для анархистов, и она возрастала в течение всей войны.

Когда правительство Ларго Кабальеро было смещено и его место заняло правительство Негрина, положение анархистов в вооружённых силах, несомненно, ухудшилось. Одним из первых шагов нового министра обороны Индалесио Прието стало расформирование военных школ. Их создатель Гарсия Оливер писал по этому поводу:

“ «...Военные школы были ликвидированы, когда министры от НКТ покинули правительство... Коммунистическая партия требовала роспуска народных военных школ, будучи не заинтересованной в том, чтобы места в них демократически распределялись среди всех антифашистских секторов, потому что так коммунисты никогда не смогли бы прибрать к своим рукам всех командиров в армии... Военные школы были заменены так называемыми учебными курсами боевых частей на фронтах. В итоге, с учётом того факта, что большинство частей возглавлялись явными или тайными коммунистами, единственными, кто обучались на этих курсах и должны были стать офицерами, были люди, имевшие билет Коммунистической партии»²⁹.

Коммунисты также стремились монополизировать специализированные роды войск, что облегчалось для них контролем над ключевыми постами в военной иерархии. Согласно Хосе Пейратсу: «Бойцы с фронта пользовались приоритетом при наборе на определённые специальности в военных школах (лётчики, танкисты и др.). Объявления для желающих публиковались в “Официальных ведомостях армии” (Diario Oficial del Ejercito). Но перед этой публикацией “Партия” оповещала коммунистические бригады, чтобы те подготовили своих соискателей. Обычно “Официальные ведомости” прибывали на фронт с опозданием, так что военнослужащие-некоммунисты всегда поздно подавали свои заявления. Этот манёвр проворачивал Антонио Кордон, заместитель министра по сухопутным войскам».

Ещё одним инструментом, который использовался сталинистами, являлось быстрое продвижение их однопартийцев по служебной лестнице. Пейратс отмечает:

“ «Легко было понять, что военнослужащие из числа коммунистов делают стремительную карьеру. В течение мая 1938 г., к примеру, в 27-й дивизии (ранее “Карл Маркс”) было 1 280 повышений (капралы, сержанты, лейтенанты, капитаны, майоры и комиссары всех рангов). Получившие

повышение должны были занять вакансии в других дивизиях, бригадах и батальонах, где военнослужащие из-за своих политических наклонностей не могли продвигаться по службе с такой же лёгкостью. Таким образом коммунисты завоёвывали новые позиции в анархических, социалистических, республиканских и нейтральных частях. [ФАИ сообщала:] Мы можем подтвердить, не опасаясь преувеличения, что с мая повышение получили 7 000 военнослужащих разного уровня и 5 500 из них принадлежали к Коммунистической партии»³⁰.

Коммунисты прилагали невероятные усилия, чтобы продвинуть своих однопартийцев или сочувствующих на командные и комиссарские посты в анархических частях. Хотя в наиболее важных формированиях, находившихся под контролем анархистов, эти попытки по большей части удавалось блокировать, имелись несомненные примеры успеха коммунистов.

Рикардо Санс вспоминал о том, как им было предотвращено проникновение коммунистов в 26-ю дивизию (бывшую колонну Дуррути), после того как она воссоединилась под его командованием на Арагонском фронте. «Фанатичный коммунист» полковник Франсиско Галан командовал корпусом, в который входила 26-я дивизия, и стремился подорвать влияние НКТ в ней. Он пытался перехватить новых офицеров, которых Санс направил на военные курсы; их назначили в коммунистические дивизии, где их можно было контролировать, и они часто подвергались оскорблениям. Кроме того, Галан несколько раз наказывал младших офицеров Санса за незначительные проступки, иногда фиктивные, действуя через голову Санса. В конце концов Санс, взяв пистолет, пошёл к Галану, когда тот был один в штабе, и изложил ему свои претензии, пригрозив, что если Галан не прекратит притеснять 26-ю дивизию, то Санс пошлёт динамитчиков взорвать его штаб. Как утверждает Санс, с тех пор Галан оставил 26-ю дивизию в покое³¹.

В колонне «Земля и свобода», которая стала 153-й бригадой, анархистам повезло меньше. Её судьбу решил тот же полковник Галан. После битвы за Арагон в марте 1938 г. Галан, командовавший XI армейским корпусом, начал устранять из бригады офицеров-анархистов. Хосе Пейратс комментирует:

“ «XI армейский корпус постоянно назначал в бригаду коммунистов на всех уровнях, включая отдельные младшие командные должности. Они прибывали без письменных приказов, и их не допускали к выполнению обязанностей. Тогда, в октябре 1938 г., весь главный штаб бригады был арестован».

Хосе Пейратс, как лейтенант 119-й бригады, лично слышал нескольких офицеров 153-й, прибывших к ним в штаб, «которые рассказывали об ужасной ситуации в их соединении и преследованиях, которым они подвергались».

В сообщении Исполнительного комитета Либертарного движения Каталонии от 24 ноября 1938 г. говорилось о том, как была решена ситуация со 153-й бригадой: «Из всех её офицеров остались только двое; все остальные были переведены в другие бригады и

дивизии, а на их место были назначены командиры, офицеры и комиссары из “Партии”»³².

Степень влияния коммунистов в армии

В ноябре 1937 г., когда война была далека от завершения, Пальмиро Тольятти докладывал своему начальству в Коминтерне о степени распространения коммунистического контроля в республиканской армии. Он отмечал, что из 21 армейского корпуса семь находились под командованием коммунистов, пять – сочувствующих, два – сэнэтистов, пять – республиканцев и два – беспартийных. Из 52 дивизий коммунисты командовали 27, одна возглавлялась сочувствующим, два – членами ОСПК, два – социалистами, восемь – сэнэтистами, семь – республиканцами, три – беспартийными и две – «неопределившимися»³³.

30 сентября 1938 г., после катастрофы в Арагоне и за несколько месяцев до решающего наступления Франко в Каталонии, Военный секретариат Федерации анархистов Иберии представил отчёт о числе высших командных должностей, которые на тот момент занимали либертарики, в сравнении с другими политическими элементами, в особенности коммунистами. Этот документ начинался с утверждения, что «высший контроль над армией полностью находится в руках коммунистов». Центральный главный штаб возглавлялся генералом Висенте Рохо, который, по мнению ФАИ, «во всём подчинялся директивам “Партии”». Коммунисты также контролировали информационный и кадровый сектора Центрального главштаба. Точно так же, хотя должности генеральных инспекторов замещались социалистами и республиканцами, «огромное большинство их подчинённых являются коммунистами». Кроме того, утверждала ФАИ, «авиация, танки и другие механизированные войска закрыты для всех элементов, находящихся вне “Партии”». Анархистов не было и на ответственных постах в Службе военной информации (СИМ), которая занималась разведкой³⁴.

В то время республиканские вооружённые силы разделялись на две группы армий, одну в Каталонии и другую в Центре, в которые входили шесть армий, четыре в Центре и две в Каталонии. ФАИ даёт краткий обзор положения анархистов и их союзников в командовании этих формирований и подчинённых им корпусов, дивизий и бригад.

Сэнэтисты не командовали ни одной из групп армий. ФАИ считала, что генерал Эрнандес Сарабия, командовавший в Каталонии, является «послушным орудием в руках коммунистов», а его коллега в Центре генерал Миаха – «элемент без характера, рядом с которым коммунисты позаботились разместить элементы, пользующиеся их доверием»³⁵.

Общий обзор командных позиций в лоялистских вооружённых силах, подготовленный ФАИ, к сожалению, упоминает только две категории, «либертарики» и «коммунисты и прочие», не проводя различия между коммунистами и некоммунистами в последней. Однако цифры ФАИ действительно свидетельствуют о сравнительной малочисленности анархических командующих.

На уровне ниже групп армий, как сообщала ФАИ, из шести существовавших тогда армий двумя командовали сочувствующие либертариям, одной – нейтральной, тремя остальными – коммунисты и прочие. Из 21 армейского корпуса только два возглавлялись анархистами и четыре – их сочувствующими, 15 были под командованием коммунистов и прочих. Из 70 дивизий лишь девять находились под началом сэнэтистов, а из 193 бригад только 33 имели командующих-анархистов.

Отчёт НКТ добавлял: «Несомненно, наша организация имеет огромное число нижестоящих командных должностей, распределённых практически по всем частям, но мы не должны забывать, что у коммунистов их намного больше, чем у нас»³⁶.

Подобная ситуация наблюдалась и на комиссарских должностях всех уровней. В отчёте ФАИ отмечалось:

“ «Наше представительство в комиссариате... не намного отличается от распределения командных должностей... иначе говоря, комиссаров у нас так же мало, как и командиров. В настоящее время наша организация имеет комиссара в одной группе армий, а коммунисты в другой (Центральная зона); у нас есть один комиссар армии (Андалусия), ещё один, на Эбро, у коммунистов и остальные у социалистов. Из 21 армейского корпуса наша организация имеет комиссаров в четырёх... Что касается дивизий и бригад, то здесь наблюдается мало отличий от того, что мы ранее указали для командных должностей... У нас есть много комиссаров в службах и прочих, разбросанных по разным специальностям...»³⁷

Деморализация внутри республиканской армии

Можно с уверенностью сказать, что в последний год Гражданской войны в вооружённых силах Республики нарастала деморализация. Конечно, отчасти она была обусловлена почти непрерывными поражениями лоялистов в этот период и растущей убеждённости в том, что война проиграна.

Однако остаётся фактом, что существовали другие причины, которые в равной или, возможно, большей степени способствовали деморализации. Хосе Пейратс указывает некоторые из них:

“ «Деморализация затронула даже добровольцев, находившихся на фронте с первых дней войны. 25 августа 1938 г. комиссар группы армий Каталонии, Хиль Ролдан, проинформировал свою организацию (НКТ) о многочисленных случаях дезертирства, которые имели место на фронтах. Многие из тех

солдат, которые дезертировали, были ветеранами, отважно сражавшимися во всех ситуациях. Дезертирство было направлено не во вражескую зону, а в сторону тыла и по преимуществу было вызвано недовольством. Сюда относились: скудное питание, нехватка одежды и особенно обуви (многим солдатам приходилось обматывать свои ноги обрывками мешков), задержки денежных выплат, новости о нужде в семьях солдат в тылу, нерегулярность доставки почтовых отправок (из-за цензуры, медленной и глупой).

Был и другой вид дезертиров: те, кто не мог вынести дисциплину, установленную в коммунистических бригадах, тупую и вместе с тем кровавую. Эти дезертиры по большей части ограничились сменой бригады. Если они были либертариями, их дезертирство выражалось в том, что они искали убежища в одной из бригад НКТ».

Пейратс приводит пример подобного рода дисциплины. Однажды летом 1938-го на Левантийском фронте группа артиллеристов получила приказ вывести из строя свои орудия, чтобы их не захватили наступающие войска противника. Но те, видя, что враг прекратил своё наступление, решили вместо этого переместить орудия на свои позиции и, таким образом, спасли их. Однако «офицер, который допустил ошибку, не зная положения врага, приказал чуть ли не казнить этих преданных солдат, проявивших замечательную инициативу и проигнорировавших нелепые требования дисциплины»³⁸. Пейратс не говорит, были ли эти бойцы казнены в действительности. Он продолжает:

“ «Трудности теперь не переносили так же стойко, как в первые месяцы войны. В те месяцы борьба была чистой и романтической. Военная бюрократия ещё не появилась. Тогда не было видно новых униформ тыловых армий: штурмовой полиции и карабинеров (у Негрина была своя персональная армия, карабинеры, или “сто тысяч сыновей Негрина”, как окрестил их народ)^{38а}. Новая военная каста постепенно приобретала все недостатки старой армии. Её представления о дисциплине выходили за рамки гротеска. Военные школы для подготовки офицеров, как и школы для комиссаров, были монополией Коммунистической партии.

Однако главным источником деморализации среди военнослужащих была политическая вербовка, проходившая в армии. Неоднократно издавались указы и декреты с целью прекратить её, но всегда безрезультатно. Многие военные операции затевались по политическим причинам и имели катастрофический результат. Бойцы-анархисты протестовали против того, чтобы их использовали как пушечное мясо...»³⁹

Заключение

Очевидно, что в командовании республиканских вооружённых сил у анархистов не было позиций, которые сколько-нибудь соответствовали их пропорции в рядовом составе. (По

оценке ФАИ, даже в сентябре 1938 г. на Каталонском фронте сторонники НКТ составляли 60% военнослужащих.) Это объяснялось множеством причин.

Во-первых, анархисты отчасти сами поставили себя в эту ситуацию. Вследствие своего антимилитаризма они часто не использовали выпадавшую им возможность получить звания и должности в формирующейся Народной армии. Этот же антимилитаризм в значительной степени объясняет тот факт, что кадровые офицеры, оставшиеся на стороне Республики, чаще симпатизировали коммунистам, чем анархистам.

Во-вторых, коммунисты рано добились успеха в занятии ключевых позиций на вершине республиканской военной иерархии, и они использовали своё положение, чтобы распространить влияние партии на всех уровнях военной организации. А после падения правительства Ларго Кабальеро в этих начинаниях им содействовали два последующих министра обороны, Индалесио Прието и затем Хуан Негрин.

В-третьих, коммунисты (как и многие другие политические группы, поддерживавшие Республику) с самого начала войны выступали за создание регулярной армии, и поэтому они приступили к организации частей – в частности, знаменитого 5-го полка, – которые могли стать и стали зародышами такой армии.

Наконец, коммунисты готовы были использовать все мыслимые методы, чтобы убедить, склонить или принудить офицеров и солдат республиканских вооружённых сил вступить в ряды партии. Их методы включали в себя не только фактический «шантаж» со стороны советских военных советников, но и широко распространённую политическую дискриминацию, запугивание и даже убийство тех, кто пытался им сопротивляться, – к этой теме мы вернёмся в одной из последующих глав книги.

Версия #1

Зверобой создал 8 мая 2025 15:45:33

Зверобой обновил 8 мая 2025 15:59:56